

УДК 82-3
ББК 84(7)
О-51

NNEDI OKORAFOR
WHO FEARS DEATH

Публикуется с разрешения автора и ее литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Окорафор, Ннеди

О-51 Кто боится смерти / пер. с англ. Анны Савиных. — Москва: Лайвбук, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-907056-41-1

«Кто боится смерти» — роман, выходящий за рамки жанровой литературы. Культурная самобытность и древние традиции, подлинная история и мифы, технологии и магия сплелись в мощной эпической истории, которая принесла Ннеди Окорафор более десяти номинаций на престижные литературные премии и восторженные отзывы критиков.

Далекое будущее, Африка. В мире, раздираемом кровопролитной войной между племенами, рождается девочка с волосами и кожей цвета песка. Мать называет ее Оньесонву, что на древнем языке означает «Кто боится смерти». Импульсивная, дерзкая, верная и любящая, Оньесонву узнает, что обладает особой силой и загадочной магической судьбой. Она отправляется в опасное путешествие, в котором ей предстоит столкнуться с природой, заблуждениями и жестокостью, настоящей любовью и, наконец, с собой.

Copyright © 2010 by Nnedi Okorafor. All Rights Reserved.
© Анна Савиных, перевод на русский язык, 2019
© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2020

ISBN 978-5-907056-41-1

Ннеди Окорафор
КТО БОИТСЯ СМЕРТИ

Редактор *Валерия Мартыанова*
Дизайн обложки *Юлия Маноцкова*
Переводчик *Анна Савиных*

Подписано в печать 07.02.2020
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 27
Бумага дизайнерская Holmen
Тираж 5000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Лайвбук»
117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 1, стр. 1–2
www.livebooks.ru

По вопросам оптовых закупок обращайтесь
по электронному адресу tatiana@livebooks.ru.
Тел. +7 (495)114-52-45

Содержание

Часть первая. Становление

Глава первая. Лицо отца _____	9
Глава вторая. Папа _____	13
Глава третья. Прерванный разговор _____	21
Глава четвертая. Обряд одиннадцатого года _____	40
Глава пятая. Тот, кто зовет _____	56
Глава шестая. Эшу _____	62
Глава седьмая. Выученные уроки _____	68
Глава восьмая. Ложь _____	73
Глава девятая. Кошмар _____	79
Глава десятая. Ндиичи _____	82
Глава одиннадцатая. Решимость Луйю _____	89
Глава двенадцатая. Наглость грифа _____	94
Глава тринадцатая. Свет Ани _____	97
Глава четырнадцатая. Сказительница _____	102
Глава пятнадцатая. Дом Осугбо _____	110
Глава шестнадцатая. Эву _____	118
Глава семнадцатая. Полный круг _____	123

Часть вторая. Ученица

Глава восемнадцатая. Дружественный визит в хижину Аро _____	129
Глава девятнадцатая. Человек в черном _____	138

Глава двадцатая. Мужчины _____	147
Глава двадцать первая. Гади _____	152
Глава двадцать вторая. Покой _____	157
Глава двадцать третья. Искусство выживания _____	159
Глава двадцать четвертая. Онъесонву на базаре _____	166
Глава двадцать пятая. Значит, решено _____	178
Часть третья. Воин _____	181
Глава двадцать шестая _____	184
Глава двадцать седьмая _____	191
Глава двадцать восьмая _____	198
Глава двадцать девятая _____	204
Глава тридцатая _____	207
Глава тридцать первая _____	210
Глава тридцать вторая _____	219
Глава тридцать третья _____	229
Глава тридцать четвертая _____	245
Глава тридцать пятая _____	252
Глава тридцать шестая _____	259
Глава тридцать седьмая _____	261
Глава тридцать восьмая _____	263
Глава тридцать девятая _____	268
Глава сороковая _____	271
Глава сорок первая _____	276
Глава сорок вторая _____	283
Глава сорок третья _____	299
Глава сорок четвертая _____	304
Глава сорок пятая _____	310

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ _____	321
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ _____	323
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ _____	334
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ _____	339
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ _____	346
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ _____	348
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ _____	357
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ _____	361
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ _____	374
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ _____	382
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ _____	390
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ _____	394
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ _____	403
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ _____	412
ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. Кто боится смерти? _____	421

Эпилог

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Павлин _____	428
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. Говорит Сола _____	429
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Переписанная _____	430

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

|

Становление

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лицо отца

В шестнадцать лет моя жизнь рухнула. Папа умер. У него было такое сильное сердце, а он умер. Может, из-за жара и дыма в кузне? Его и правда было невозможно отвлечь от работы, от ремесла. Ему нравилось гнуть и подчинять себе металл. Но работа, казалось, лишь придавала ему сил — в кузне он был счастлив. Что же его убило? Я по сей день не знаю точно. Надеюсь, не я и не то, что я тогда сделала.

Когда он умер, мама тут же выбежала из спальни и, рыдая, стала биться о стену. Тогда я поняла, что я изменюсь. Поняла, что больше никогда не смогу полностью контролировать внутреннее пламя. В тот день я стала другим существом, менее человекоподобным. Сейчас я понимаю: все, что было потом, началось тогда.

Церемонию проводили на окраине города, возле песчаных дюн. Был разгар дня, ужасная жара. Его тело лежало на куске толстой белой ткани, а вокруг — гирлянда из сплетенных пальмовых ветвей. Я встала на колени в песок рядом с его телом, чтобы проститься. Никогда не забуду его лицо. Оно больше не было Папиным. У Папы было темно-коричневое лицо с пухлыми губами. А у этого лица щеки впали, губы сдулись, а кожа была цвета серо-коричневой бумаги. Папин дух был где-то не здесь.

Шею сзади покалывало. Белое покрывало плохо защищало от невежественных и полных страха людских глаз. К тому времени за мной *всегда* все следили. Я стиснула зубы. Вокруг

плакали и стонали коленапреклоненные женщины. Папу очень любили, несмотря на то что он женился на маме, у которой была я — ребенок-эву. Это ему давно простили — мол, даже великий человек может ошибиться. Сквозь стоны я слышала тихий мамин плач. Она потеряла больше других.

Пришла ее очередь прощаться. Потом его заберут на кремацию. Я в последний раз взглянула на его лицо. Подумала: «Я тебя больше не увижу». Я не была готова. Я моргнула и коснулась своей груди. Тогда все и случилось... когда я коснулась груди. Сначала это было похоже на зуд, как от щекотки. Но быстро разрослось во что-то большее.

Чем больше усилий я прилагала, чтобы встать, тем сильнее оно становилось и тем шире простиралось мое горе. «Нельзя, чтобы его забрали, — лихорадочно думала я, — в кузне еще столько металла. Он не закончил работу!» Ощущение разлилось по всей груди и дальше по телу. Я ссутулила плечи, чтобы удерживать его. Затем начала оттягивать от людей вокруг. Я дрожала и скрежетала зубами. Меня наполняла ярость. «Ну не здесь! — думала я. — Не на Папиных похоронах!» Жизнь не хотела оставить меня в покое хотя бы ненадолго, не давала даже оплакать отца.

Рыдания сзади прекратились. Я слышала только легкий ветер. Это было очень жутко. Что-то было подо мной, в земле, а может, где-то еще. Вдруг меня придавило чувствами каждого, кто горевал по отцу.

Я инстинктивно схватила его за руку. Люди закричали. Я не обернулась. Слишком была сосредоточена на том, что должна сделать. Никто не пытался увести меня. Никто не трогал. Однажды во время редкой в сухой сезон грозовой бури в дядю моей подруги Луйю ударила молния. Он выжил, но без конца рассказывал, как почувствовал, будто его жестоко трясет изнутри. Я ощущала то же самое.

Я ахнула в ужасе. Я не могла отнять свою руку от Папиной. Я к нему приросла. Цвет моей кожи — песочный — стекал с ладони на его серо-коричневую руку. Холмик смешавшейся плоти.

Я закричала.

Крик застрял в горле, я закашлялась. Затем всмотрелась. Папина грудь медленно ходила вверх и вниз, вверх и вниз... он дышал! Я почувствовала одновременно отвращение и отчаянную надежду. Глубоко вдохнула и закричала: «Живи, Папа! Живи!»

Чьи-то руки схватили меня за запястья. Я тут же узнала, кто это. У него был сломан и забинтован палец. Если бы он не отпустил меня, я бы его покалечила еще сильнее, чем пять дней назад.

— Оньесонву, — сказал Аро мне в ухо, быстро убирая руки. Как я его ненавидела. Но слушала.

— Он ушел, — сказал он. — *Отпусти*, тогда мы все сможем освободиться.

И я как-то... отпустила. Отпустила Папу.

Вокруг снова легла мертвая тишина.

Как будто мир на мгновение погрузился в воду.

Затем энергия, накопившаяся внутри меня, взорвалась. С головы слетело покрывало, и косы вырвались на волю. Всех и все отбросило назад — Аро, маму, семью, друзей, знакомых, незнакомых, накрытый стол, пятьдесят бататов, тринадцать больших плодов баобаба, пять коров, десять коз, тридцать кур и много песка. В городе на тридцать секунд вырубил электричество; из домов потом пришлось выметать песок, а компьютеры понадобилось чистить от пыли.

И снова тишина, как под водой.

Я посмотрела на свою руку. И когда попыталась отнять ее от Папиной — холодной, неподвижной, мертвой — руки, я услышала звук, как будто что-то отклеивалось. На его руке остался силуэт моей ладони из засохшей слизи. Я потеряла пальцы. Слизь на них растрескалась и осыпалась. Я еще раз посмотрела на Папу. А затем упала на бок и потеряла сознание.

Это было четыре года назад. Здешние люди знают, что все это сделала я. Они хотят моей крови, собираются пытать меня, а затем убить. Что будет после того... я лучше промолчу.

Сегодня ты хочешь знать, как я стала тем, чем стала. Хочешь знать, как я здесь оказалась... Это долгая история. Но я тебе расскажу... Я тебе расскажу. Ты дурак, если веришь тому, что обо мне говорят. Я расскажу тебе мою историю, чтобы опровергнуть ложь. К счастью, даже длинный рассказ поместится в этот твой лэптоп.

У меня два дня. Надеюсь, времени хватит. Скоро меня догонит Оно.

Мать назвала меня Онъесонву. Это значит «Кто боится смерти?». Она хорошо меня назвала. Я родилась двадцать лет назад, в плохие времена. По иронии судьбы я выросла вдали от убийств...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПАПА

Только взглянув на меня, все видят, что я дитя изнасилования. Но когда меня впервые увидел Папа, он смотрел сквозь это. Это единственный человек, кроме мамы, который, можно сказать, полюбил меня с первого взгляда. Отчасти поэтому мне было так трудно отпустить его после смерти.

Это я выбрала Папу для мамы. Мне было шесть лет.

Мы с мамой только что поселились в Джвахире. До того мы кочевали. Однажды, бредя по пустыне, мама остановилась, словно услышала чей-то голос. Она часто вела себя странно, беседовала с кем-то. Потом сказала: «Тебе пора пойти в школу». Я была слишком мала, чтобы понять истинные причины. В пустыне я была вполне счастлива, но, когда мы поселились в городе Джвахир, моей площадкой для игр тут же стал базар.

В первые дни, чтобы быстро заработать, мама продала большую часть своего сладкого кактуса. В Джвахире сладкий кактус ценится выше денег. Это изысканный деликатес. Мама сама научилась его выращивать. Видимо, она всегда знала, что вернется к людям.

Спустя несколько недель она посадила принесенные с собой саженцы и открыла ларек. Я помогала как могла. Носила иставляла вещи, зазывала покупателей. За это она разрешала мне час в день бродить, где захочу. В пустыне в ясные дни я могла уйти от мамы на целую милю. Ни разу не потерялась. Базар был

для меня мал. И все же там было на что посмотреть, а за каждым углом поджидали неприятности.

Я была счастливым ребенком. Люди при виде меня цокали языком, бурчали что-то и отводили взгляды. Но мне было все равно. Можно было гоняться за курами и ручными лисами, переглядываться с другими детьми, наблюдать за перепалками. Иногда песок под ногами был влажным от верблюжьего молока, иногда — жирным и пах пролитым душистым маслом пополам с золой от благовоний, а часто был перемешан с верблюжьим, коровьим или лисьим дерьмом. Здесь был очень затоптанный песок — там, в пустыне, он оставался нетронутым.

Мы прожили в Джвахире всего несколько месяцев, когда я нашла Папу. В тот судьбоносный день было жарко и солнечно. Уходя от мамы, я взяла с собой чашку воды. Первым делом мне захотелось пойти к самой странной постройке Джвахира: к Дому Осугбо. Меня всегда тянуло к этому большому квадратному зданию. Покрытое диковинными украшениями и символами, оно было самой высокой и единственной полностью каменной постройкой в Джвахире.

— Однажды я сюда войду, — сказала я, глядя на него. — Но не сегодня.

Я отважилась уйти от базара на неизученную территорию. В магазине электроники продавались уродливые восстановленные компьютеры. Такие небольшие черные и серые штуки с обнаженными платами и треснутыми корпусами. Мне стало интересно, чувствуют ли они себя такими же уродливыми, как выглядят. Я ни разу не прикасалась к компьютеру. Потянулась потрогать один.

— *Ta!* — произнес хозяин из-за своего компьютера. — Не трожь!

Я отпила воды и пошла дальше.

Потом ноги принесли меня к пещере, полной огня и грохота. Белая саманная постройка была открыта. Внутри, в темноте, время от времени вспыхивал огонь. Наружу, словно из пасти

чудовища, вырывался жар горячее ветра. Большая вывеска на фасаде гласила

КУЗНИЦА ОГУНДИМУ —
 ТЕРМИТЫ НЕ ЖРУТ БРОНЗУ,
 ЧЕРВИ НЕ ГЛОЖУТ ЖЕЛЕЗО

Я прищурилась, разглядывая в глубине дома высокого мускулистого мужчину. Его блестящая кожа почернела от сажи. «Как герой Великой книги», — подумала я. На нем были рукавицы, сотканые из металлических нитей, и черные очки, плотно подогнанные к лицу. Ноздри раздувались, когда он колотил по пламени гигантским молотом. Огромные руки сгибались при каждом ударе. Он мог бы быть сыном Огун, богини металла. В его движениях сквозила радость. «Но он, кажется, очень хочет пить», — подумала я. И представила, как горит его глотка, забитая пеплом. У меня оставалась вода. Полчашки. Я вошла в кузню.

Внутри было еще жарче. Однако я выросла в пустыне. Привыкла к сильному жару и холоду. Я с опаской посмотрела, как из-под молота сыплются искры. Затем со всем возможным уважением сказала:

— Ога, у меня есть для вас вода.

Он не ожидал услышать мой голос. А увидеть в своей кузне тощую девочку, которую люди зовут эву, ожидал еще меньше. Он поднял очки на лоб. Вокруг глаз, там, где не было сажи, кожа была темно-коричневой, как у мамы. «Белки его глаз слишком белые для того, кто весь день смотрит на огонь», — подумала я.

— Дитя, тебе нельзя здесь быть, — сказал он.

Я шагнула назад. У него был гулкий голос. Полный. Если бы этот человек говорил в пустыне, звери слышали бы его за несколько миль.

— Тут не так уж жарко, — сказала я. И подняла воду повыше: — Вот.

Я подошла поближе, помня о том, что я такое. На мне было зеленое платье, сшитое мамой. Ткань легкая, но закрыто было

все, вплоть до лодыжек и запястий. Она и покрывало меня носить заставила бы, но духу не хватило.

Сейчас происходило нечто странное. Обычно люди сторонились меня, потому что я была эву. Но иногда меня обступали женщины.

— Кожа у нее, — говорили они друг другу, не обращая ко мне, — больно гладкая и тонкая. Как верблюжье молоко.

— А волосы необычные, пушистые, как облако сухой травы.

— А глаза как у пустынной кошки.

— Ани создает странную красоту из уродства.

— Когда дорастет до обряда одиннадцатого года, может, будет красавица.

— А толку-то в обряде? Никто на ней не женится.

И раздавался смех.

На базаре мужчины пытались схватить меня, но я всегда оказывалась шустрее, и умела царапаться. Научилась у пустынных кошек. Все это смущало мой шестилетний ум. И, стоя перед этим кузнецом, я боялась, что он тоже может счесть мои уродливые черты странно притягательными.

Я протянула ему чашку. Он взял ее и сделал долгий глубокий глоток, выпил все до капли. Я была высокой для своего возраста, но и он был огромным. Пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть его улыбку. Он выдохнул с большим облегчением и отдал мне чашку.

— Хорошая вода, — сказал он и вернулся к наковальне. — Для водяного духа ты слишком большая и уж точно слишком смелая.

Я улыбнулась и сказала:

— Меня зовут Оньесонву Убейд. А вас, Ога?

— Фадиль Огундиму, — он посмотрел на руки в рукавицах. — Я бы пожал тебе руку, Оньесонву, но рукавицы горячие.

— Это ничего, Ога, — сказала я. — Вы же кузнец!

Он кивнул.

— Как и мой отец, и его отец, и его отец и так далее.

— Мы с мамой только недавно здесь поселились, — брякнула я. И тут вспомнила, что уже поздно: — Ой, мне надо идти, Ога Огундиму!

— Спасибо за воду. Ты была права. Я хотел пить.

Потом я часто его навещала. Он стал моим лучшим и единственным другом. Если бы мать узнала, что я хожу к чужому мужчине, она бы меня побила и надолго запретила гулять одной. Ученик кузнеца, Джи, меня ненавидел и каждый раз это показывал, кривясь в отвращении, словно я — большое дикое животное.

— Не обращай на Джи внимания, — сказал кузнец. — Он умеет обращаться с металлом, но воображения ему не хватает. Прости его. Он дикарь.

— А вы думаете, что я нечистая?

— Ты прелестна, — сказал он, улыбаясь. — То, как ребенок зачат, не его вина и не его бремя.

Я не знала, что значит *зачат*, и не стала спрашивать. Он сказал, что я прелестна — не хватало еще, чтобы он взял свои слова назад. К счастью, Джи обычно приходил поздно, когда становилось прохладнее.

Вскоре я уже рассказывала кузнецу о жизни в пустыне. Я была мала и не понимала, что о таких скользких темах не надо болтать. Что мое прошлое, само мое существование — скользкая тема. В обмен он кое-что рассказывал мне о металлах, например, какие из них легко поддаются огню, а какие нет.

— Какая была ваша жена? — спросила я однажды.

На самом деле просто сболтнула. Меня больше интересовал маленький хлебец, который он мне купил.

— Нъери. Чернокожая, — он обхватил обеими руками свое бедро. — И с очень сильными ногами. Она была наездницей на верблюдах.

Я прожевала и проглотила хлеб.

— Правда?!

— Говорили, что она держится на верблюде за счет силы ног, но я-то знал. У нее был еще и дар.

— Дар чего? — спросила я, подавшись вперед. — Она ходила сквозь стены? Летала? Ела стекло? Превращалась в жука?

— Ты много читаешь, — засмеялся кузнец.

— Дважды прочла Великую книгу! — похвасталась я.

— Впечатляет, — сказал он. — Ну а моя Ньери понимала верблюжий язык. Верблюжий доктор — мужская работа, так она стала наездницей. И она не просто на них скакала. Она *выигрывала* скачки. Мы познакомились подростками. Поженились в двадцать лет.

— Какой у нее был голос?

— Страшный и прекрасный.

Я не поняла и наморщила лоб.

— Она была очень громкой, — пояснил он, откусывая от моего хлеба. — Много смеялась, когда радовалась, и много кричала, когда злилась. Понимаешь?

Я кивнула.

— Какое-то время мы были счастливы, — сказал он и умолк.

Я ждала, когда он продолжит. Я знала, что будет плохое. Но он просто смотрел на кусок хлеба, и я сказала:

— Ну? Что было дальше? Она тебя обидела?

Он усмехнулся, а я обрадовалась, хотя спрашивала всерьез.

— Нет, нет, — сказал он. — В день самой быстрой в ее жизни гонки случилось ужасное. Это надо было видеть, Оньесонву. Был финал скачек в честь Праздника Дождя. Она и раньше *выигрывала* эти скачки, но в тот день собиралась побить рекорд скорости на дистанции в полмили.

Он помолчал.

— Я стоял у финиша. Все там были. Земля была сырая после вчерашнего ливня. Надо было перенести гонку. Вот показался ее верблюд, он бежал своим прихрамывающим аллюром. Так быстро еще ни один верблюд не бегал, — он закрыл глаза. — Он остуился и... упал, — его голос сорвался. — В конечном счете, сильные ноги Ньери ее погубили. Они удержали ее верхом, и упавший верблюд раздавил ее своим весом.

Я ахнула, зажав рот руками.

— Если бы она упала с него, то выжила бы. Мы были жена-ты всего три месяца, — он вздохнул. — Ее верблюд отказался ее покинуть. Он всюду следовал за ее телом. Ее кремировали, а верблюд через несколько дней умер от горя. И еще несколько недель все верблюды в округе плевались и стонали.

Он надел рукавицы и вернулся к наковальне. Разговор был окончен.

Шли месяцы. Я приходила к нему раз в несколько дней. Я знала, что сильно рискую, скрывая это от мамы. Но была уверена, что дело того стоит. Однажды он спросил меня, как у меня дела.

— Ничего, — ответила я. — Вчера о вас говорила одна дама. Она сказала, что вы лучший кузнец на свете и какой-то Осугбо вам хорошо платит. Это хозяин Дома Осугбо? Мне всегда хотелось туда зайти.

— Осугбо — не человек, — ответил он, изучая кусок кованого железа. — Это группа джвахирских старейшин, которые поддерживают порядок. Главы нашего правительства.

— А... — что означает *правительство* я не знала и не хотела знать.

— Как поживает твоя мама?

— Хорошо.

— Я хочу с ней познакомиться.

Я нахмурилась и задержала дыхание. Если она о *ней* узнает, то отлупит меня так, как никогда еще не лупила, и я потеряю единственного друга. Зачем ему с ней знакомиться? Я вдруг почувствовала, что ревную маму. Но как я могу ему помешать? Я закусила губу и неохотно выговорила:

— Ладно.

К моему ужасу, он пришел к нам в палатку тем же вечером. Выглядел, однако, сногшибательно — широкие белые штаны, белый кафтан. На голове белое покрывало. Одеться во все белое означало предстать пред кем-то с глубоким смирением. Обычно так делали женщины. Для мужчины это очень необычно. Он знал, как подступиться к маме. Сначала она его боялась и сердилась. Услышав о нашей с ним дружбе, она так отшлепала меня, что я

убежала и проплакала несколько часов. И все же через месяц Папа и мама поженились. На следующий день после свадьбы она и я переехали в его дом. С тех пор все должно было идти прекрасно. И пять лет все было хорошо. Потом началось странное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прерванный разговор

Из-за Папы мы с мамой осели в Джвахире. Но даже если бы он не умер, я бы все равно оказалась здесь. Остаться в Джвахире мне было не суждено. Во-первых, я слишком непостоянна, во-вторых, меня толкало кое-что еще. С момента зачатия я была проблемой. Черным пятном. Проклятием. Я поняла это в одиннадцать лет, когда со мной случилась странная вещь. После нее маме наконец пришлось рассказать мне неприглядную историю моего зачатия.

Был вечер, и приближалась буря. Я стояла в проеме задней двери, глядя, как надвигается стихия, и тут, прямо у меня на глазах, в мамином саду, большой орел напал на воробья. Рухнул на него с неба и улетел с ним в когтях. С воробьиного трупики упали три окровавленных коричневых пера. Они приземлились в мамины помидорные грядки. Когда я подобрала одно из перьев, прогремел гром. Я растерла кровь между пальцами. Не знаю, зачем я это сделала.

Кровь была липкой. И сильно пахла медью, будто я ею облилась. Я зачем-то наклонила голову, прислушиваясь, приноживаясь. «Здесь что-то происходит», — подумала я. Небо потемнело. Поднялся ветер. И принес... другой запах. Станный запах, который я с тех пор стала узнавать, но никогда не смогу описать. Я вдыхала его, и что-то стало происходить в моей голове. Я думала убежать в дом, но не хотелось нести туда это, что бы это ни было. А потом я уже не могла шевельнуться, даже если бы

захотела. Послышался гул, потом возникла боль. Я закрыла глаза. Внутри моей головы возникли двери — стальные, деревянные, каменные. Было больно оттого, что эти двери с треском открывались. Из них дул горячий ветер. Мое тело чувствовало себя странно, словно при каждом движении я могла что-то сломать. Я упала на колени, меня рвало, свело каждую мышцу. Затем я перестала существовать... и я не помню ничего — даже темноты.

Было ужасно...

Следующее, что я помню: я вишу высоко в ветвях гигантского дерева *ироко*, которое растет в центре города. Голая. Идет дождь. Я испытываю унижение и стыд, которые сопровождали меня все детство. (Разве удивительно, что и гнев тоже всегда им сопутствовал?) Я задерживаю дыхание, стараясь не плакать от шока и страха. Ветка, за которую я цеплялась, была скользкой. И я не могла отделаться от ощущения, что я только что внезапно умерла, а потом вернулась к жизни. Но тогда это было не так важно. Как же я буду слезать?

— Придется прыгать! — крикнул кто-то.

Внизу стояли отец и какой-то мальчик, державший корзину над головой. Я плотнее обхватила ветку, стиснув зубы от злости и стыда. Папа протянул мне руки.

— Прыгай!

Я долго не решалась, думая: «Не хочу больше умирать». Потом заплакала. И, чтобы отогнать последующие мысли, прыгнула.

И Папа, и я повалились на землю, усыпанную плодами *ироко*. Я поднялась на ноги и прижалась к Папе, пытаюсь спрятаться, пока он снимал рубашку. Я скорей в нее завернулась. Раздавленные фрукты под дождем пахли сильно и горько. Нам пришлось долго отмывать с кожи запах и лиловые пятна. Папина одежда была вконец испорчена. Я огляделась. Мальчик исчез.

Папа взял меня за руку, и мы пошли домой в потрясенном молчании. Я брела сквозь дождь, изо всех сил пытаюсь держать глаза открытыми. Так устала. Казалось, мы идем целую вечность. «Я так далеко ушла? — подумала я. — Что... как?» Когда мы дошли до дома, я остановила Папу у двери.